

Козловский И. С.

25.12.93

Н А ИЗЛЕТЕ года, на излете века, на излете тысячелетия огромная, продуваемая сквозняками Россия просталась с великими своими гражданами.

Сказав или не сказав последние слова, оставив или не оставив завещание, ушли в иные века, в иные миры большие художники, оставив нам на память исписанные листы бумаги, граммофонные пластинки, магнитные ленты с записями.

Елена Гоголева, Евгений Габрилович, Наталия Сац, Пантелеймон Норцов, Иван Козловский. Все — ровесни-

ПОСЛЕДНИЕ НОТЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Культур. — 1993. — 25 дек. — с. 1

ки двадцатого. Когда умер Блок, которого Ахматова назвала «часовым начала века», они приняли смену караула. Кто примет ее теперь?..

Их жизнь была долгой. Она была — всем. Она была несколькими войнами и революциями, политическими режимами, государствами. Они с гордостью носили ордена с изображениями серпа и молота и профилем Ленина. Они выступали на фоне красных знамен. Они слышали стрельбу на улицах Москвы в 17-м и в 93-м. При их жизни было совершено много героического и страшного.

Менялись стили и направления. Когда они были молоды, еще не было джаза. И только-только находил себя Великий немой. Они были современниками Станиславского и Мейерхольда, Бунина и Куприна, Есенина и Маяковского. Когда они были стары, умер социализм и уже вышел из моды рок-н-ролл.

Когда они умирали, дотла сгорели столь памятный в истории русского искусства «Славянский базар» и только что отреставрированный Камерный театр.

Уходя, двадцатый век ставит точки.

Звучат в хаосе и трохоте его последние ноты.

Фото Н. Самойлова.

СВЕЧА ЕГО ПОГАСЛА

Неровная, чуть колеблющаяся походка, ладонь, — чтобы, не дай Бог, не погас, — защищающая мерцающий огонек свечи: Иван Семенович Козловский медленно продвигался к сцене. Приблизился и вручил свой «свет» ошеломленному Богдану Ступке. Мой свет — вам, несите его дальше...

Он очень любил свечи. Свет храма, свет искусства, свет человеческой души заключался для него в

этом огненном лепестке на тонком стебле. И он всех стремился одарить этим светом.

«Горели свечи на столе. В окне отражались их блики. И я попросил всех повернуться к окну и посмотреть на эти блики. Счастлив тот, кто видит их, кто чувствует непознаваемость и тайну жизни». Он чувствовал. А многие чувствовали, глядя на него, с его по-

мощью прикасались к этой великой тайне.

Он неоднократно озарял и наши страницы — не только своим именем, своим чудесным лицом, но и своими сочинениями. Всегда писал сам, не позволял исправить ни слова — видимо, и слова ощущая наполненными светом.

Свеча его погасла, но свет ее остался. И очень трудно, но очень нужно нести его дальше...